

14. О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам [Электронный ресурс] : закон Респ. Беларусь, 14 июня 2003 г., № 207-З. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Об утверждении Инструкции о взаимодействии следователей, оперативных работников УР, БХСС и дежурных частей при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений : приказ МВД СССР, 20 февр. 1979 г., № 64.
16. Об утверждении Уголовно-процессуального кодекса Белорусской ССР : закон Бел. ССР, 29 дек. 1960 г. // Собр. законов, указов Президиума Верхов. Совета Бел. ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Бел. ССР. 1961. № 1.
17. Тарасов А.А. Процессуальные и тактико-психологические проблемы расследования преступлений группой следователей : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Куйбышев, 1990.
18. Улимаев Р.Ю. Следственно-оперативные группы: правовой статус, организация и деятельность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2002.
19. Цоколов И.А. Процессуальные и криминалистические особенности расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2001.
20. Шкорбатов И., Рошин А. Из нашего опыта расследования преступлений группой следователей // Социалист. законность. 1963. № 6.

Дата поступления в редакцию: 19.05.10

УДК 343.131

Е.В. Около-Кулак, адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Исследуется эволюция публичности в уголовном процессе на территории Республики Беларусь. Предметом исследования являются правовые нормы Русской правды, Статутов ВКЛ, Устава уголовного судопроизводства, УПК БССР, УПК Республики Беларусь и других нормативных актов, регламентировавших указанное правовое положение. Обозначены тенденции законодательного развития публичности в срезе общего исторического прогресса отечественной теоретико-правовой мысли. К наиболее важным проблемам, рассмотренным в данной статье, относятся вопросы возникновения элементов публичности в раннефеодальных источниках права и последующее развитие на определенных исторических этапах. Наряду с положительными аспектами действующего законодательства в исследуемой области отмечается необходимость доработки ряда положений, связанных с реализацией указанного принципа. Освещение и анализ обозначенных в статье проблем сквозь призму истории создает базу для глубокого и детального исследования публичности в современном уголовном процессе.

The author of the article examines the process of formation and development of the principle of publicity in the criminal trial on the territory of the Republic of Belarus. The object of the research are the sets of laws of the Russian Pravda, the Statutes of the Grand Duchy of Lithuania, the Charter of the Criminal Procedure, the Law of Criminal Procedure of the Soviet Socialist Republic of Belarus, the Law of Criminal Procedure of the Republic of Belarus and other statutory acts regulating the specified legal status. Tendencies of legislative development of the principle of publicity through the general historical progress of scientific views in our country are presented. Among the most important problems put up in the article are the questions of occurrence of elements of publicity in the earlier feudal sources of law and their subsequent development at the certain historical stages. Alongside with the positive aspects of the current legislation in the investigated area, the need to improve some positions connected with the realization of the specified principle is marked. The coverage and analysis of the problems examined in the article through a historical prism creates the basis for a deep and detailed research of the principle of publicity in the modern criminal trial.

В соответствии с ч. 2 ст. 59 Конституции Республики Беларусь государственные органы и должностные лица должны в пределах своей компетенции принимать необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. Уголовно-процессуальное законодательство (ст. 15 УПК) определяет данное конституционное установление как содержание принципа публичности, в силу которого на органы уголовного преследования возложены обязанности по обнаружению преступлений и выявлению лиц, их совершивших, возбуждению уголовного дела, привлечению виновных к предусмотренной законом ответственности и созданию условий для постановления судом законного, обоснованного и справедливого приговора. Очевидно, что указанное правовое положение является противоположным принципу диспозитивности, предоставляющему гражданам возможность по собственному усмотрению распоряжаться своими материальными или процессуальными правами.

На протяжении всей истории развития правовой системы земель, составляющих территорию современной Беларуси, отношение законодателя и ученых-правоведов к публичности складывалось по-разному. При всем различии или тождественности этих оценок общим для них является то, что они

не были специальными исследованиями публичности. Еще в 1960 г. И.М. Гальперин писал: «Если согласиться с С.А. Галунским, что наука права, подробно исследовав вопрос о гарантиях прав обвиняемого, уделила незаслуженно мало внимания проблеме раскрываемости преступлений, то это положение в особенности применительно к принципу публичности» [3, с. 106].

Отношение к публичности менялось в зависимости от уровня социального, экономического и политического развития общества, а также от типа и формы уголовного процесса. На определенных этапах государственного развития Беларуси преимущественно пользовались то частные, то общественные интересы. Анализ норм Русской правды, положения которой действовали на территориях Полоцкого и Туровского княжеств в XI–XII вв., демонстрирует преобладание диспозитивности процессуальных норм, выраженной в том, что инициатором правовых отношений являлись частные лица, роли которых выступали род, семья и община. Судебное производство называлось «тяжебным» и начиналось сразу с жалобы истца («поклепа»), непосредственно несущего бремя доказывания по своему иску. Принципы феодального права, присущие Русской правде, проявляются в отсутствии разграничений между гражданским и уголовным судопроизводством, так как каждый иск являлся, в сущности, обвинением и любое притязание носило деликтный характер.

Для периода действия Судебника Казимира 1468 г. и Статутов Великого княжества Литовского (ВКЛ) 1529, 1566, 1588 гг. также характерны частные начала уголовного процесса. Производство в суде в основном начиналось по жалобе (иску) заинтересованной стороны – потерпевшего или родственников. Потерпевший, таким образом, являлся обвинителем и обязан был сам собирать и предоставлять в суд доказательства, поддерживать обвинение в суде. В случае, когда предъявленное обвинение не находило своего подтверждения, обвинитель мог быть подвергнут наказанию судом. На любом этапе процесса он наделялся правом отказаться от обвинения, заключить мировое соглашение или помиловать обвиняемого. В то время публичность уголовного процесса была представлена обязанностью государственных должностных лиц принимать меры для розыска и изобличения преступников независимо от наличия жалоб потерпевших и их родственников лишь за наиболее тяжкие преступления: государственную измену, убийство, поджог. Эти действия производились поветовыми старостами или их заместителями с участием возных и понятых из числа местной шляхты.

Рассмотренные юридические акты свидетельствуют о том, что в анализируемый исторический период законодательные уголовно-процессуальные аспекты публичности еще не сформировались, но уже имели место отдельные элементы ее реализации.

В XIX в. большая часть отечественных земель вошла в состав Российской империи, Статут ВКЛ (в 1840 г.) был официально упразднен и уголовное судопроизводство стало осуществляться по Своду законов Российской империи 1832 г. В отличие от рассмотренных выше источников в нем учитывались в большей мере государственные интересы, что соответствовало доминированию публичности в уголовном процессе.

После судебной реформы 1864 г., в ходе которой был издан Устав уголовного судопроизводства (УУС), который хотя и не содержал рассматриваемый принцип, но имел ряд норм, детально регламентирующих деятельность полиции, судебного следователя, прокурора и суда. Так, полиция обязывалась получить заявление о преступлении, в течение суток сообщить о нем судебному следователю (ст. 250 УУС) и принять меры по сохранению следов преступления. Судебный следователь, в свою очередь, при наличии повода и основания начинал предварительное следствие (ст. 262 УУС), но прекратить самостоятельно его не мог. Если судебный следователь не находил оснований для продолжения следствия, то, приостановив производство, должен был спросить на прекращение дела разрешение суда через прокурора (ст. 277 УУС).

Одновременно с принятием судебных уставов 1864 г. активно начинает развиваться научно-правовая мысль, в том числе по вопросу о публичности в уголовном процессе. В то время большинство ученых отождествляют ее с гласностью. Н.Н. Rogozin полагает, что «гласность, или публичность, процесса... является одной из гарантий соблюдения судом всех установленных законом форм судопроизводства, побуждает суд к более тщательному и вдумчивому отношению к своей профессиональной работе, повышает доверие населения к деятельности суда и способствует развитию в нем чувства права и законности...» [8, с. 77]. По мнению Д.Г. Тальберга, «публичность в уголовном процессе составляет то общее его начало, коим устанавливается гласность всего происходящего на суде. Публичность, как понятие родовое, обнимает собой право всех и каждого присутствовать во время судебного разбирательства и оглашение судебных действий в печати... Публичность судебных действий есть дополнение, дальнейшее развитие непосредственности и устности в процессе, одна из гарантий правильного отправления правосудия» [12, с. 79].

М.В. Духовской, рассматривая публичность как гласность перед обществом, тем не менее, отмечает три важных признака идеи публичности: интересы государства, субъекты, на которых возложена обязанность реализации этого интереса, и неотвратимость уголовного преследования. С его точки

зрения, уголовный процесс «служит интересам государственным. Действует прокурор (иногда полиция) при возбуждении преследования и поддержании обвинения... не в своих личных, а во имя публичных интересов и поэтому не может по произволу отказать от обвинения» [4, с. 153]. Признак государственного интереса в определении публичности также видит и И.Я. Фойницкий, по мнению которого, общественное или публичное начало уголовного судопроизводства состоит в том, что уголовно-судебное разбирательство происходит в государственных интересах [15, с. 11].

Особый интерес вызывает отношение к данному правовому понятию В.К. Случевского, который считает публичность основным принципом уголовного процесса, значение которого стоит в том, что «совершившееся преступное посягательство на охраняемую государством правовую норму создает право государства на применение уголовной кары, осуществляемой в установленном законом процессуальном порядке уполномоченными на то лицами, независимо от потерпевшего лица. ...В силу действия этого принципа права частных лиц ограничиваются, и возбужденный уголовный иск получает движение, а затем и разрешение, независимо от их воли и желания» [9, с. 49]. Данная позиция несколько отличалась от других, была весьма прогрессивна для конца XIX в. и, по сути, не потеряла своей актуальности до настоящего времени.

Октябрьская революция 1917 г. повлекла за собой значительные перемены в государственном и правовом устройстве. В законодательстве первого начального периода развития Советского государства, касающегося уголовного процесса, нормы, которая бы полно выражала суть публичности, не встречается. В частности, нет ее в первых декретах Советской власти о суде, принятых в конце 1917 – начале 1918 г., нет и в последующих нормативных правовых актах вплоть до УПК РСФСР 1922 г. Видимо, отсутствие в законодательстве послереволюционного периода упоминания о публичности связано с установлением диктатуры пролетариата и усилением публичных начал всех государственных органов, в том числе и уголовно-процессуального права. В.И. Ленин отмечал: «Мы ничего „частного“ не признаем, для нас все есть публично-правовое...» [5, с. 398]. Суд и другие государственные органы ориентировались В.И. Лениным на защиту «публично-правового» интереса, под которым понимались интересы государства. Личность отступала на задний план, о ее правах и интересах речь не шла вообще [1, с. 28].

Нормы, которые теперь выражают сущность публичности, впервые появляются в УПК РСФСР 1922, 1923 гг. Статья 9 гласит: «Прокуратура обязана возбуждать уголовное преследование перед судебными и следственными органами по всякому совершившемуся и подлежащему наказанию преступлению». Практически уже в первых УПК законодатель возлагает процессуальную обязанность на орган, правомочный возбуждать уголовное преследование, осуществлять последнее в любом случае обнаружения совершенного преступления, что сегодня лежит в основе публичности.

В отличие от УПК РСФСР 1922, 1923 гг., хотя и дающих в сжатой форме суть принципа публичности без употребления этого термина, в работах ученых, занимающихся исследованием процессуальных проблем в 20-х гг., нет упоминания о данном правовом положении как принципе.

М.С. Строгович и Д.А. Карницкий в комментарии к УПК РСФСР 1923 г. сравнивают ст. 9 УПК со ст. 89 Положения о судостроительстве РСФСР 1923 г.: «Ст. 89 Положения о судостроительстве возлагает на прокуратуру обязанность возбуждения судебного преследования против всех должностных и частных лиц (в случае наличия оснований полагать, что им учинены какие-либо преступления). Из сопоставления ст. 9 УПК со ст. 89 Положения о судостроительстве надлежит сделать вывод, что возбуждение уголовного преследования есть не только право, но и обязанность прокуратуры. Если у прокуратуры есть данные об учинении кем-либо преступления, прокуратура обязана возбудить уголовное преследование и отказаться от такого может только при наличии обстоятельств, мешающих производству по делу и за недостаточность доказательств» [10, с. 32].

В тот же период некоторые ученые расценивали требования ст. 9 УПК как начало законности (легальности), как руководящее начало для прокуроров при возбуждении уголовного дела, означающего, что они не могут воздержаться от такового, иначе как по основаниям, предусмотренным в законе [6, с. 23–24]. Эти суждения в последующем послужат основой спора о соотношении принципа публичности и принципа законности.

31 ноября 1924 г. постановлением ЦИК СССР принимаются первые Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Общей нормы, выражающей суть принципа публичности, в них нет. Лишь ст. 4 по редакции несколько похожа на ст. 9 УПК РСФСР 1923 г.: «Уголовное преследование возбуждается прокуратурой, судебными и иными органами Союза СССР и союзных республик в случаях и порядке, установленных законом. Прокурор, следователи, судьи и органы дознания обязаны принимать к производству все заявления государственных органов, общественных организаций и частных лиц о преступлениях». УПК БССР 1927 г. также содержит аналогичную норму (ст. 9).

Основы и УПК БССР 1927 г. не восприняли положений УПК РСФСР, и следует признать, что в плане развития обязанности публично-правовой защиты интересов государства и общества от преступных посягательств, возложенной на правоохранительные органы, значительного шага сделано не было.

В уголовно-процессуальной литературе 1930-х гг. специальных работ, посвященных принципу публичности, нет. Упоминание о нем встречается лишь в «Курсе советского уголовного процесса» А.Я. Вышинского 1927 г., в котором публичность относится к основным началам уголовного судопроизводства. Считая, что публичный характер уголовного процесса обусловлен «задачей защиты государства от преступных посягательств, подрывающих власть трудящихся и установленный его правопорядок», А.Я. Вышинский так определяет публичность: «...начало публичности находит свое выражение в правиле о том, что уголовное преследование может возбуждаться лишь органами государственной власти – прокуратурой, судебными и иными органами Союза и союзных республик, с одной стороны, и с другой стороны, в том, что все процессуальные действия совершаются *ex officio*, вне зависимости от воли и интересов частных лиц» [2, с. 140]. Это определение содержит в себе элементы принципа публичности, хотя, безусловно, не исчерпывает его содержание.

В дальнейшем отношение ученых к вопросу о самостоятельности принципа публичности и его месте в общей системе принципов уголовного процесса было различным. М.И. Чельцов первоначально рассматривает публичность как один из самостоятельных принципов, отождествляет с официальной и пишет, что официальной (публичностью) пронизан весь уголовный процесс, который возбуждается как бы волею закона по инициативе должностных лиц независимо от воли потерпевшего, а иногда и против воли. В дальнейшем автор утверждает, что процессуальные действия совершаются в государственном интересе осуществления правосудия и достижения его целей, а не в интересах отдельных граждан. Тогда же он дает определение принципа публичности, отмечая, что последний предполагает активность органов суда, прокуратуры и следствия. В более поздних работах М.И. Чельцов формулирует понятие законности, означающее его отход от положительного отношения к принципу публичности, так как он определяет законность через выполнение должностных обязанностей органами суда, прокуратуры и органов следствия. Он пишет, что «публичность не характерна для советского уголовного процесса, а присуща лишь буржуазному обществу» и обвиняет сторонников в «узком и неправильном определении принципа законности», которое и привело к выделению в системе принципов самостоятельного принципа публичности или официальности. Для того чтобы исключить публичность из числа самостоятельных принципов, необходимо его содержание или «растворить» в содержании какого-либо другого принципа или отрицать, не признавая за ним самостоятельного содержания [16, с. 71].

На наш взгляд, М.И. Чельцов растворил публичность в принципе законности, который выражается во властных полномочиях суда, прокуратуры, следственных органов и органов дознания возбуждать уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, расследовать каждое уголовное дело, рассматривать его и выносить законный и обоснованный приговор.

Аналогичной позиции придерживается и М.Л. Якуб, который не находит в нормах закона указаний на принцип публичности и приходит к выводу, что «публичность практически осуществляется в уголовном процессе благодаря принципу законности и не имеет самостоятельного содержания» [17, с. 26].

М.С. Строгович в учебниках 1930-х – начала 1940-х гг. о публичности как о принципе процесса не говорит и лишь в 1946 г. он так определяет публичность: публичностью уголовного процесса называется такое его построение, при котором расследование, разбирательство и разрешение уголовных дел производятся государственными органами (следственными, прокурорскими и судебными) в государственных интересах и в силу их должностных обязанностей, вне зависимости от воли и усмотрения граждан и организаций, интересы которых непосредственно затронуты преступлениями. Он уточнил данное определение, указав, что этот принцип обеспечивает защиту интересов не только государства, но и общества, обеспечивая при этом защиту прав и интересов участников уголовного процесса [11, с. 24]. В последующем он своего отношения к этому не поменял и остался сторонником принципа публичности.

Н.Н. Полянский считает публичность общеправовым принципом, но имеющим в уголовном процессе свою специфику. Он писал, что весь уголовный процесс подчинен принципу публичности, т. е. задаче служения интересам Советского государства и общества. Однако, признавая принцип публичности самостоятельным, он высказался против отождествления его с принципом официальности, что для советского права, по его мнению, является неправильным. Он пишет: «Требование, чтобы органы правосудия по собственной инициативе, по должности (*ex officio*), не ожидая чьего-либо ходатайства, предпринимали все действия, нужные для установления истины в деле, не будучи самостоятельным принципом, составляет разновидность принципа публичности, но не совпадает с ним».

Официальность, по его мнению, правильнее назвать принципом должностной инициативы, который относится к деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, а принцип публичности охватывает и деятельность адвоката, так как он обязан «содействовать интересам правосудия». Но, в то же время, если «адвокат является защитником, то он не вправе предпринимать что-либо во вред своему подзащитному» [7, с. 84–85].

Первым диссертационным исследованием публичности была защищенная И.М. Гальпериным в 1960 г. диссертация «Принцип публичности в советском уголовном процессе». В ней изложены общие вопросы теории принципа публичности, отмечены некоторые его специфические черты в отдельных стадиях процесса и сформулировано определение принципа публичности, которое практически не отличается от данного М.С. Строговичем [3, с. 107].

На этом заканчивается очередной этап развития публичности, так как была осуществлена кодификация уголовно-процессуального законодательства, в результате которой в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а затем и в УПК БССР 1960 г. появилась норма, которая длительное время, вплоть до вступления в законную силу УПК Республики Беларусь 1999 г., считалась классическим выражением принципа публичности и оставалась неизменной.

Так, согласно ст. 3 «Обязанность возбуждения уголовного дела и раскрытия преступления» УПК БССР 1960 г. суд, прокурор, следователь и орган дознания обязаны в пределах своей компетенции возбудить уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию.

И.И. Мартинович в 1963 г. комментирует данную норму следующим образом: «...указанное положение является выражением государственного начала в осуществлении уголовного судопроизводства, которое принято называть принципом публичности (или официальности). В силу государственного начала суд, судья, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны совершить необходимые процессуальные действия по возбуждению, расследованию и судебному рассмотрению уголовного дела независимо от усмотрения потерпевшего, подсудимого и других заинтересованных лиц» [13, с. 6].

Нужно отметить, что дефиниции принципа публичности, сформулированные в разные годы разными учеными (Н.С. Алексеевым, В.А. Болдыревым, С.В. Бородиным, Т.Н. Добровольской, Л.Д. Кокоревым, В.М. Савицким, Л.Н. Смирновым, В.Е. Чугоновым и др.), были практически идентичны. Основное, на что в них делается упор, – это проявление государственного начала, выраженного в возложении на соответствующие государственные органы, а точнее, на их должностных лиц обязанностей по возбуждению, рассмотрению, расследованию и разрешению уголовных дел.

При всей однородности определений, приводимых в указанной литературе, встречаются и такие, которые весьма противоречивы. Например, С.П. Бекешко и Е.А. Матвиенко утверждают, что принципу публичности подчинена деятельность как государственных органов, так и всех других субъектов процесса. Их позиция перекликается с мнением тех ученых, которые усматривают реализацию публичности в действиях адвокатов. Однако С.П. Бекешко и Е.А. Матвиенко в своих рассуждениях идут еще дальше, утверждая, что «не являются исключением из принципа публичности и действия обвиняемого, даже в тех случаях, когда виновный всячески стремится избежать ответственности. Раскрытие всех уверток и уловок обвиняемого заставляет его защищаться законными приемами и средствами» [14, с. 63].

В 1991 г. Республика Беларусь приобрела суверенитет, но преобразования правовой системы произошли только в 1999 г., когда был подготовлен новый УПК, ст. 15 которого не только раскрывает содержание публичности, но и называется «Публичность уголовного процесса».

В заключение необходимо отметить, что теоретико-правовой процесс становления и развития публичности в уголовном процессе происходил на протяжении длительного времени. На определенных этапах превалировали то частные, то публичные начала. Однако и в настоящее время, несмотря на законодательное закрепление в УПК публичности, существуют проблемы, связанные с ее реализацией, которые негативно влияют на эффективность деятельности органов, ведущих уголовный процесс, осложняют выполнение стоящих перед ними задач и обуславливают необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства.

Библиографические ссылки

1. Бойков А.Д. Третья власть в России. Очерки о правосудии, законности и судебной реформе. М. : Городец, 1997.
2. Вышинский А.Я. Курс советского уголовного процесса. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1927.
3. Гальперин И.М. О принципе публичности (официальности) в советском уголовном процессе // Правоведение. 1960. № 2.
4. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М., 1902.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44.

6. Люблинский П.И., Полянский Н.Н. УПК. Научно-популярный практический комментарий. М. : Право и жизнь, 1928.
7. Полянский Н.Н. Вопросы теории советского уголовного процесса. М. : Изд-во МГУ, 1956.
8. Рогозин Н.Н. Уголовное судопроизводство // Хрестоматия по уголовному процессу России. М. : Городец, 1999.
9. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса: судоустройство – судопроизводство. 4-е изд. СПб., 1913.
10. Строгович М.С., Карницкий Д.А. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. М. : Право и жизнь, 1923.
11. Строгович М.С. Учебник уголовного процесса. М. : Юрид.изд-во НКЮ СССР, 1941.
12. Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. Киев, 1889.
13. Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР. Комментарий. Минск : Госиздат БССР, 1963.
14. Уголовный процесс БССР : учеб. пособие для юрид. вузов / под ред. С.П. Бекешко, Е.А. Матвиенко. Минск : Выш. шк., 1979.
15. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. М., 1903.
16. Чельцов М.А. Задачи советской науки уголовно-процессуального права в период развернутого строительства коммунизма // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. М. : Госюриздат, 1959.
17. Якуб М.Л. Демократические основы советского уголовно-процессуального права. М. : Изд-во МГУ, 1960.

Дата поступления в редакцию: 16.09.10

УДК 343.62

О.А. Осипенко, оперуполномоченный отдела по наркоконтролю и противодействию торговле людьми Советского РУВД г. Минска

УКЛОНЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ОТ ОБЯЗАННОСТИ ПО МАТЕРИАЛЬНОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ДЕТЕЙ: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Проанализированы нормы различных законодательных актов республиканского и международного значения, в которых регламентирована обязанность родителей по материальному обеспечению детей. Приведена статистика преступлений, предусмотренных ст. 174 Уголовного кодекса, которая устанавливает уголовную ответственность за уклонение родителей от содержания детей либо от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении. Проанализированы основные признаки рассматриваемого преступления.

The paper analyzes the standards of the various legislative acts of the national and international importance, which regulate the obligation of parents to ensure children's material support. The statistics of crimes under the article 174 of the Criminal Code is given which criminalizes the refusal of parents to care for their children or to compensate the state for the maintenance of children in public care. The main features of the crime are analyzed.

В соответствии со ст. 27 Конвенции ООН о правах ребенка «родитель(и) или другие лица, воспитывающие ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка» [1]. Это положение международного права подтверждено в Конституции и других законодательных актах Республики Беларусь. Согласно ст. 191 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье каждый ребенок независимо от того, проживает он совместно с родителями или раздельно, имеет право на такое материальное обеспечение со стороны семьи и государства, которое необходимо для его полноценного физического и умственного развития, реализации природных наклонностей и талантов, получения образования в соответствии с его способностями в целях содействия гармоничному развитию личности и воспитанию достойного члена общества. Очевидно, что невыполнение родителями обязанности по материальному обеспечению детей традиционно признается общественно опасным, поскольку причиняет существенный вред охраняемым уголовным законом имущественным интересам детей.

В силу этого Уголовным кодексом Республики Беларусь предусматривается ответственность за уклонение родителей от содержания детей (ч. 1 ст. 174) и от возмещения расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении (ч. 2 ст. 174).

Посягательства на установленные нормами семейного права имущественные отношения детей являются самыми распространенными среди посягательств на интересы несовершеннолетних. До 2007 г. наблюдался устойчивый рост числа преступлений, предусмотренных ст. 174 УК.

В 2007 г. уровень зарегистрированных по данной статье преступлений снизился на 23 %. Именно в этом году было многое сделано для улучшения положения многодетных семей и детей, оставшихся без родительской опеки. 2007 г. был объявлен Годом ребенка.